

ВАДИМ БАКУЛИН

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ЗИМЫ

Вадим Валерьевич Бакулин родился в 1971 году в Оренбурге, окончил музыкальное училище и факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Работал журналистом, редактором, печатался в местной периодике, коллективных сборниках, альманахе «Гостинный Двор», «Невском альманахе», «Новом енисейском литераторе», журналах «Москва», «Наши современники», «Простор» (Казахстан), «Дон», «Север», «Южный Урал» и др. Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России, лауреат региональной литературной премии им. П.И.Рычкова (2013). Живёт в Оренбурге.

Соскучился до слёз...
Нам встретиться пора.
Шесть месяцев — мороз.
Шесть месяцев — жара.

Я дням теряю счёт...
Без четверти апрель,
А всё ещё метёт
Разлучница-метель.

Шесть месяцев зимы.
Шесть месяцев тепла.
Опять чужие мы.
Неладные дела.

Когда же случай вдруг
Нас где-нибудь столкнёт,
Всё зазвенит вокруг
Да как всё расцветёт!

МАМЕ

I.
Только ты,
только ты
помнишь первый мой вздох,
первый смех,
первый шаг мой

и первое слово...
Ты прости за всё то,
что хотел и не смог...
Не был ласков порою,
порою — жесток
«в благодарность»
за силу любви без условий.
Часто вижу я сон:
ты уходишь в ночи
по туманной дорожке...
Кричи не кричи,
не посмотришь назад,
на меня, улыбаясь;
и тебя не догнать мне,
не остановить,
не обнять и прощения
не попросить.

В холодящем поту
и в слезах просыпаюсь.

Рано утром звоню,
и твой тёплый «Привет»
возвращает реальность, и силы,
и свет!

— Что случилось, сынок?

(Я теряю слова).

— Слава Богу, мамуля здорова,
жива!

II.

Бывает часто — по ночам
не спится...

А тут весна проснулась
в феврале!

Перебираю памяти страницы —
Всю ночь копаюсь в письменном
столе.

Здесь ворох писем, каслинский
подсвечник.

Старинный портсигар упал,
звеня...

Предметы, что со мной прожили
вечность,
Что вечность проживут
и без меня.

Какие-то стихи мои, записки
Десятки лет прожили взаперти.
Далёкое становится мне близким,
Но это невозможно вернуть.

И вот открытка с надписью
сердечной,
Её дорожке не было и нет:
«Весной мы сделаем такой
скворечник!»
От мамы, из Прибалтики
привет...

Я вспомнил миг из жизни:
мне три года.

Я тихо к маме в комнату вошёл.
Была в тот вечер страшная
погода:
Чудил февраль, а дождь
весенний шёл.

Следы от капель, словно
от кинжала, —
Дождь бился в стёкла мутного
окна.

Я понимал, что мама умирала,
И знал, что мама навсегда —
одна.

Найдя бумагу, краски
в секретере,

Всю ночь я рисовал её портрет,
Уже не плача, потому что верил,
Что мама встанет...

Распахнутся двери,
И я поймаю взгляда тёплый
свет...

БЕЛЫЕ МАСКИ – ЧЁРНЫЕ ТЕНИ

Белые маски — чёрные тени.
Храм стосковался
по пенопениям.
Ставлю свечу в светлый
праздник Крещения
В землю над речкой, с мольбой
о спасении.

Серость и слякоть. Ни света,
ни снега.
Трубами день выхлопными
чихает.
Цвета больного над городом
небо
Что-то опять втихаря распыляет.

Редко рождаются — всё умирают.
Если встречаются — встрече
не рады.
Люди, как свечи, тихонько
сгорают
Сотнями тысяч. Кому это надо?

Что за несчастье? Убийство,
блокада?
Кто оккупировал нашу планету?
Нет после смерти ни Рая,
ни Ада.
Ад — на Земле.
Все ли поняли это?

Съела чума двадцать первого
века
Души людей, — замурованы
в стены.
В страхе бегут по аорте
проспекта
Белые маски — чёрные тени...

ЭХО ВОЙНЫ

I. Пять тополей

Снова на могилки баба Маня
Собралась к сыночкам по весне:
Не вернулись старшие с Афгана,
Младшие погублены в Чечне.

Держится за старую калитку,
Точно перед ней надёжный
щит...

На лице подобие улыбки,
Как всегда, когда в груди
щемит.

— Ты погодь, баб Мань,
посуше станет... —

Ей кричит соседка из окна.
Ничего не слышит баба Маня,
В горести свои погружена.

Побрела тихонечко к погосту.
На могилах — первые цветы.
Точно люди, только ниже
ростом,
Распростёрты ветхие кресты.

Места нет дороже ей на свете,
Лей тут слёзы горькие, не лей.
Встретят здесь её родные дети —
Пять светлоголовых тополей.

II. Дядя Ваня

Без хозяина дом сиротеет.
Дяди Вани полгода как нет,
Вновь в скворечню скворцы
прилетели,
Но никто им не скажет:
«Привет!»

Взгляд бабушки безбрежен,
Стройна и хороша!
Охвачена надеждой
Крылатая душа,

И сказано немало
В скрещенье тонких рук...
Большой разлив Урала.
Беловка. Оренбург.

Эх, молодость, свобода,
Беспечная весна.
Через четыре года —
Разлучница-война.

V. **Я теперь не уйду**

Он вернулся с тяжёлым раненьем
В сорок третьем тревожном году
И, её обнимая колени,
Прошептал:
— Я теперь не уйду...

— Будем рядом и в счастье,
и в горе.
Неужели всё это не сон?!
Старый госпиталь...
Там, в коридоре,
Шум каталок, и хрипы, и стон...

Он в ответ:
— Не волнуйся, родная,
Инвалида на фронт не возьмут.
— Вдруг уедешь ты?
Шут тебя знает...
— Там — не нужен, как,
впрочем, и тут.

— Нужен... нужен!
И оба застыли.
Шли минуты...
Летели года...

Жизнь легко они вместе прожили
И любили друг друга всегда!

VI.

Тюльпанами дышит весна.
Стоит у кургана одна,
Плакучей берёзе под стать,
От бед поседевшая мать.

Где дети? С победной весны
Они не вернулись с войны.
Вся, кажется, жизнь позади,
Но шепчет апрель: «Подожди,

Пока ты глядишь в небосвод,
К тебе человек подойдёт...
Как грома разряд, за спиной
Услышишь ты голос родной:

— Я жив! Повернись поскорей,
Я младшенький твой, Алексей!
— Сынок, ты же был молодой
И русский, а нынче седой?!

Поднимет он брошенный плащ...
— Не плачь больше, мама,
не плачь!»

VII. **Дым войны**

Сколько лет пронеслось с той
войны...
Хоть не верится многим,
не верится...
По просторам бескрайней страны
Дым отравленных лет
ещё стелется,

И сражений неведомый зной
Дальним громом нет-нет
да откликнется.

С лютым злом, принесённым
войной,
Не смириться веками,
не свыкнуться.

Сотни братских солдатских могил
По берёзовым рощам затеряны,
И родительский след к ним
простыл,
Зарастают бурьяном со временем.

Смотрит строгая «Родина-Мать»,
Призывая быть смелыми,
гордыми,
Если что — всем народом
восстать...
Только войнами сыты
по горло мы.

Вспыхнут кровью тюльпаны
весной,
Разрыдаются ивы плакучие
Материнскою стылой слезой
В память павших над красными
кручами.

ВРЕМЯ БЕССМЕРТИЯ

Время бессмертия,
Чистой беспечности —
Детство,
Верни
Ощущение вечности!

Время влюблённости,
Нежных объятий —
Юности крепких
Рукопожатий...

Мудрости время,
Не мчись, не спеши —
Зрелость, верни мне
Крылатость души,

Чтобы зловещей
Зимой не казалось
Время потерь —
Неизбежная старость.

НА ДАЧЕ В НОЯБРЕ

На даче пусто. Листья облетели.
Склевали птицы горькие плоды.
Мне помнится, ещё на той
неделе
Под самым небом яблоки висели.
Они на солнце радостно
блестели,
Живые обереги от беды.

А по забору алым гобеленом
Плетётся густо дикий виноград,
Таинственно, легко
и вдохновенно,
Среди других, тоскующих
растений,
И при любом, однако,
настроении
Порадует мой близорукий
взгляд.

Шиповник смотрит чёрными
зрачками,
Отважно обнажив свои шипы,
А хризантемы пышными
пучками,
Пускай окоченели их цветы,
Хранят о сентябре сгоревшем
память
И дарят тёплый свет из темноты.

Мне так спокойно на пустынной
даче,
Предавшись листьев с ветром
ворожке,
Писать стихи и думать о тебе.
То улыбнётся небо, то заплачет,

И у него не может быть иначе,
Как в нашей переменчивой
судьбе.

ОБЩЕЖИТСКОЕ ОКНО

Зимний день вернул забытое
Чёрно-белое кино,
За экран сошло открытое
Общежитское окно.

И отсчитывалось каплями
Время хрупкое моё;
И смешной походкой Чаплина
Семеняло вороньё.

Ты от хаоса осеннего
Дай, зима, мне отдохнуть,
В редкий час уединения —
В подсознание нырнуть.

На любовь душа разбитая
Пусть надежду обретёт,
А мечта, от всех закрытая,
Ярким цветом расцветёт!

ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ

В Трёхпрудном дом снесли,
а всё ж остался
Дух старины, цветаевской
весны...
Двадцатый век, как страшный
сон, промчался,
Меня лик истерзанной страны.

Вот времени река течёт обратно.
Трёхпрудный...
Девятьсот десятый год.

Пух тополиный так похож
на вату
У деревянных стареньких ворот.

Ворота открываются: Марина —
Таинственная девушка в пенсне,
В огромной шляпе, в лёгком
платье длинном,
Поспешно направляется ко мне.

А кто же я?
Высокий, стройный тополь —
Её поклонник, рыцарь, верный
друг!
Мы с ней стихи читаем
про Акрополь,
Молчим под ливня трогательный
стук.

Да, я свидетель всех её проделок.
Мне, право, любопытно
и смешно,
Как по ночам она гуляет смело.
Бродяга-ветер ей стучит в окно.

Однажды утром, накопив отваги
(И я, увы, не мог о том не знать),
Она взяла бесценные бумаги
И понесла в издательство —
в печать!

А в октябре, когда ронял я листья
Охапками и не жалел о том,
Был счастлив, окунувшись
в бездну истин,
В её вечерний заглянув альбом!

Шла гордая, назло вчерашним
бедам,
С размеренностью стихотворных
строк.

Где теперь этот дом,
                                этот мальчик?
Всё смешалось — реальность
                                и сон.

Это был краткий миг...
Но чем дальше,
Тем светлей и пронзительней он!

ИВАН-ЧАЙ

Небесной печалью расцвёл
                                иван-чай

И шепчет отчаянно:
                                «Осень встречай!»

Трепещут на ласковой глади реки
Беспечные звёздочки,
                                как светляки.

Болотная птица сидит в камышах.
Пройду стороною, не буду
                                мешать.

Не хочется песню её нарушать.
Так птица рыдает, что рвётся
                                душа.

Тревожное время —
                                цветёт иван-чай.

Мы как-то расстались с тобой
                                невзначай.

Надежды единственной стёрты
                                следы...

Лишь птица рыдает у стылой
                                воды.

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК

Маленький городок,
Чуть покрупней села.
Спит подо льдом ставок,
Дремлет во льду ветла.

Улочками пройдуся —
Ветер, как лёс, фырчит.
Древнюю пряча грусть,
Город февральский спит.

Тусклого фонаря
Подслеповатый взгляд.
Радостный свет дая,
Звёзды в ночи горят —

Вечные янтари!
Видно ли их в Москве?
Что ты ни говори,
Здесь ещё прошлый век.

Воздух прозрачен, чист,
И ни души вокруг.
Сквозь тишину звучит
Поезда ровный стук.

Сказочно серебрист —
Ветер спешит за мной.
Крыши нарядных изб
Выбелены луной.

Маленький городок —
Чуть покрупней села,
Мало к тебе дорог —
Много в тебе тепла!

ОДУВАНЧИКИ

Одуванчики отцвели.
Стали майской прощальной
                                песней.

Отрываются от земли
Парашютики в поднебесье.

Звёзды белые на ветру
Кружат в танце шальном,
                                весеннем.

Кто придумал эту игру:
Вальс прощания
с воскресеньем?

Жаром солнца ужалив нас,
Шкуры крыш подрумянит лето.
Одуванчиков седина
Полыхнёт на углях рассвета.

СНЕГА

Снега. Снега. Снега...
Стальных столбов кресты.
Речные берега
Суровы и пусты.
Поют ветра, поют...
Метёт метель, метёт...
Декабрьский неуют —
Под високосный год.
На Храме нет креста,
И холодеет кровь;
Душа, как сон, пуста.
Утрачена любовь...
Расколота, как лёд,
За несколько минут.
Метёт метель, метёт...
Поют ветра, поют...

